

Секция «Востоковедение, африканистика»

К вопросу об интерпретации греко-арабского противостояния и влияния России в Антиохийском Патриархате во второй половине XIX века (по материалам АВПРИ)

Копоть Евгений Михайлович

Аспирант

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук, Москва, Россия

E-mail: jenius1@yandex.ru

Изучению истории Антиохийского Патриархата во второй половине XIX века и влиянию России на его жизнь в отечественной историографии посвящено сравнительно небольшое количество работ. Основными можно называть исследования К.А. Панченко, М.И. Якушева, Н.Н. Лисового, в которых, в рамках анализа русского духовно-политического присутствия в Святой Земле, уделено внимание и сирийскому православию. Среди зарубежных авторов особо следует выделить работу Д. Хопвуда. Одной из ключевых тем этих исследований стала проблема греко-арабского противостояния, оценка преобладания греческой иерархии над арабофонной паствой Антиохийского патриаршего престола. Отечественные авторы [4, с.235; 3, с. 238], возможно, следуя за выводами Д. Хопвуда [6, р. 113], окрашивают данные отношения в националистические цвета. В рамках данной статьи мы пытаемся ответить на вопрос о том, можно ли (и насколько) объяснять недовольство арабов своими иерархами-греками ростом национализма или более уместно говорить о недовольстве массы верующих своими нерадивыми пастырями. Источниковой базой работы являются документы Архива Внешней Политики Российской Империи [1, 2], в том числе и впервые вводимые в научный оборот.

После подчинения Сирии Османской империи в 1517 г. православное население оказалось объединено в рамках общины верующих – миллета, во главе которого стал Патриарх Константинопольский, расширивший свою власть и ставший этнархом всех христиан. Выполняя культуртрегерскую функцию при Османском дворе и пользуясь стольным положением, греки-фанариоты стали доминировать и в церковной иерархии. Церковная корпорация стала, по сути, единственной социальной нишей для христиан Империи, и – как следствие – была переполнена людьми самого разного призвания и достоинства. Это, в свою очередь, вело к повреждению нравов (симолия, nepотизм) духовенства.

В таких условиях Антиохийская Церковь к середине XIX века стала представлять собой периферийное «продолжение» Монастыря Св. Гроба Господня в Иерусалиме – замкнутой греческой монашеской организации - из среды которого ставились Патриархи на соседний патриарший престол. Патриархи Иерофей, Герасим, Спиридон, прежде чем стать во главе Антиохийской Церкви, были иерархами в Иерусалиме. В результате такого транзита нравы и привычные механизмы функционирования «святогробского братства» переносились на сирийскую почву.

Выборы каждого следующего Патриарха в Иерусалиме сопровождались интригами, подкупом членов Синода с расчетом, что Россия покроет все издержки победителя [2]. Аналогичный подход применил в Антиохии и Патриарх Спиридон, подкупивший

Архиереев-арабов и обещавший местной общине 10 000 турецких лир, а, после избрания, обратившийся за помощью к России [1].

Так же как епитропы святынь в Иерусалиме накопленные богатства употребляли на строительство рынков, доходных домов и магазинов, Антиохийский Патриарх Иерофей положил 200 000 франков, принадлежавших сирийской общине, в Афинский банк, завещав их эллинским учебным заведениям и своим родственникам. Патриарх Герасим, получив за время управления больше 5000 турецких лир, дал средства своему брату открыть аптеку в Бейруте, но при этом не истратил ни пиастра на образование духовенства и народа [1].

Иерусалимская практика «канцелярий» при святынях, поставивших на поток прошения к частным лицам в России о поддержке православия, пользуясь именем «Иерусалим», была продолжена Патриархом Спиридоном в Антиохии (один только Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев прислал 500 рублей). Использовались даже заказные статьи в российской печати [1].

Иерусалимское братство, всегда старавшееся сократить непроизводственные издержки на образование арабского духовенства, продолжало эту линию и в Антиохии. Но если в Иерусалиме арабская паства была мала и не имела своих представителей в Синоде, а, значит, была лишена права голоса, то в Антиохии она была и имела возможность заявить свои права на рачительное к ней отношение (открытие школ, церквей, семинарии, сохранение общинной кассы в неприкосновенности). Поэтому механический перенос отношений порождал протесты населения – паству, составляющую более 200 000 человек, было невозможно игнорировать.

Но даже этот вопиющий «экономический» подход долгое время не нарушал status quo. Местные униаты - вчерашние православные, строившие храмы, открывавшие школы - дали во второй половине XIX в. возможность сравнения, показали пример другого отношения. С другой стороны, единовенная Россия через пособия школам Митрополитов, через школы Императорского Православного Палестинского Общества, через поддержку принципа автокефальности открывала местным малообразованным православным массам представление о подлинно христианском отношении.

Поводя итог, нам представляется важным обратить внимание на то, что при интерпретации вопроса о характере греко-арабского противостояния и русского влияния нельзя ограничиваться отсылкой к распространению националистической идеологии среди арабов и греков и тем объяснять всю сложность отношения внутри Антиохийского патриархата. Культура замкнутой монашеской корпорации «святогробского братства» не могла быть механически наложена на соседний Антиохийский патриархат, главной особенностью которого являлось наличие паствы и широкой сети приходов. Важно подчеркнуть, что при выборах Антиохийского Патриарха Спиридона в 1891 году главным требованием Антиохийского Синода было избрание нового Патриарха из местных архиереев, знакомых с условиями жизни, среди которых были и (sic!) греки, что подтверждает наши выводы [1].

Литература

1. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322.
2. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3363.

3. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX- начале XX в. М., 2006.
4. Панченко К.А. Взаимоотношения османского правительства и православной общины Арабского Востока в XVI – начале XX вв. М., 1996.
5. Якушев М.И. Христианские субъекты Османской империи - Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты – в политике Российской империи (30-е гг. XIX-начало XX в.) М., 2009.
6. Norwood D. The Russian presence in Syria and Palestine. 1843-1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969.